

МИФОЛОГЕМА КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПАРАДИГМЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ Н. ГАРТМАНА

MYTHOLOGEME OF THE PICTURE OF SOCIO-HISTORICAL REALITY IN THE PARADIGM OF N. HARTMAN'S ONTOLOGICAL EPISTEMOLOGY

В статье актуализируются вопросы, связанные с определением статуса исторического знания в парадигме рациональной культуры. История, вовлеченная человеком в процесс организации картины реальности, наделяется иными качествами, чем располагает объективно. Мифологема, возникающая вследствие синтеза известного и предполагаемого, становится одним из атрибутов исторического знания, функция которого заключается в объединении образов прошлого с культурной парадигмой настоящего. Мифологема определяется не как произвольная реакция субъекта, вызванная избытком его воображения, а как следствие процессов адаптации исторической информации соответствующему типу культуры.

Ключевые слова: картина социально-исторической реальности, онтология, гносеология, уровни бытия, Н. Гартман, мифологема.

The article actualizes the issues related to determining the status of historical knowledge in the paradigm of rational culture. History, involved by a person in the process of organizing a picture of reality, is endowed with other qualities than it has objectively. The mythologeme that arises as a result of the synthesis of the known and the assumed becomes one of the attributes of historical knowledge, the function of which is to combine the images of the past with the cultural paradigm of the present. Mythologeme is defined not as an arbitrary reaction of the subject, caused by an excess of his imagination, but as a consequence of the processes of adaptation of historical information to the corresponding type of culture.

Keywords: picture of socio-historical reality, ontology, epistemology, levels of being, N. Hartman, mythologeme.

Рубеж XX–XXI вв. в общественных дисциплинах стал периодом очередной ревизии взглядов на концептуально-методологический потенциал освоения социально-исторической реальности, что не могло не отразиться на комплексе вопросов, связанных как с определением статуса исторического знания, так и с пересмотром условий его становления. Современное состояние общества принято обозначать как информационное, само существование такого типа общества непосредственно связано с производством, организацией, распространением и распределением знаний. Парадигмы приращения и эксплуатации знания всё в большей степени определяют социальную структуру общественного организма, роль социальных групп в системе общественного воспроизводства, место социума в мировой цивилизации. Указанные факторы неизбежно актуализируют проблематику определения места рациональной культуры и методологических концептов организации знания в континууме фундаментальных оснований экзистенции человека и общества. При этом очевидно, что ни одна из предлагаемых моделей освоения реальности не может рассматриваться в качестве достаточной без отражения ее исторического аспекта, в связи с чем овладение действительными параметрами формирования картины исторической сферы как формы сохранения маркеров изменений становится необходимым компонентом социальной экзистенции. В предельно общем смысле человек соотносится с историей прежде всего в содержании когнитивно-эвристических концептов, в структурах памяти, восприятия, сфере образов, культурных стереотипов, стилей мышления и других подразделениях рефлексивного сознания. Познание, как атрибут эвристической активности, инициирует теоретическую организацию пара-

метров исторических изменений (картины истории), реализующих себя объективно до и вне познания.

В онтологическом смысле история и познание представляют собой феномены с пересекающейся корреляцией форм и типов существования. Они интенциональны, конкретны и реализуют себя в качестве институций социальной экзистенции. Функциональное значение познания состоит в переводе сущности в наличное знание, оно не изменяет предмет, но открывает его ценностное ядро. Познание реализуется как форма когнитивной активности субъекта, стремящегося к освоению — «схватыванию» конкретной ипостаси бытия, при том что «схватить» можно лишь то, что существует вне «хватающего». «Никто не мыслит только ради мысли... мысль сама существует ради иного» [1, с. 471]. В таком контексте история по отношению к субъекту представляет внешний уровень реальности, сущностные параметры которого нуждаются в освоении. Познание, напротив, — форма субъектного и, следовательно, наличного бытия, непосредственно реализующаяся здесь и сейчас. Подобное положение дел позволяет констатировать принадлежность познания и истории к различным уровням или, в интерпретации Н. Гартмана, слоям бытия. «Думать, что всё есть предмет и что только предмет обладает характером бытия, ошибочно. Мир, понимаемый как воплощение сущего... лишь отчасти выступает предметом познания» [2, с. 107]. В данной связи необходимо согласиться с тем, что история представляет собой не априорную характеристику реальности, «а один из способов видения и создания того, что мы по традиции именуем миром... Вполне возможно и допустимо видеть вещи в ином, вне-историческом свете» [3, с. 7]. Данное обстоятельство не отменяет их взаимных

каузальных зависимостей, как онтологические системы познание и история открыты друг для друга, располагают арсеналом взаимной адаптации, потенция которого определена гетерогенностью их содержания. В концептуально-методологическом смысле проблема корреляционного взаимодействия познания и истории может быть решена в рамках концепции многослойного бытия Н. Гартмана. Аксиологическое ядро этого учения составляет постулат — «мир один, но не един», предполагает идентификацию всеобщего как целостного образования. Различные уровни реальности соотносятся посредством универсального атрибута, в роли которого выступает познание, постулирующее связь между разнородными слоями реальности. Эти теории определяют познание как инструментариум обеспечения целостности бытия и его освоение в различных модификациях.

В качестве концепта знания история представляет собой диалектический комплекс известного, связанного с отражением свойств факта (бытия) и предполагаемого, по сути, неизвестного (скрытой изнанки бытия), вследствие чего горизонты исторического не могут отождествляться только с достоверными параметрами познанного, познание, в свою очередь, не ограничивается только освоением истории. «Специфика истории, как вида знания, заключается в том, что в ней получают отражение явления, уже не существующие здесь и сейчас в настоящей реальности и находящиеся в определенном смысле в небытии. Небытие представляет собой “изнанку” бытия, аккумулирующую в своей потенции “невидимые силы, творящие бытийные формы”» [4, с. 82]. Прошлое не является тем, что мы называем ничто, через институции памяти оно необходимыми для настоящего аспектами присутствует в его слоях. «Прошлое существует через настоящее, благодаря настоящему и в прозрениях настоящего» [5, с. 306]. Познание истории, реализующее себя как определенный акт действующего сознания, — фактор выражения модусов прошлого в настоящем.

Категория «история» в естественно-научной и социально-гуманитарной парадигмах имеет близкие, но не тождественные трактовки. Природа и культура — априорные формы существования, при этом первая трактуется как среда обитания, противоположная человеческому способу экзистенции, культура же рассматривается как сфера бытия, возникающая вследствие целенаправленного изменения природы в контексте культивации ценностных приоритетов определенного типа. «В природе действуют... слепые, бессознательные силы... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием... стремящиеся к определенным целям» [6, с. 305]. В естествознании толкование термина «история» связывается с процессом развития объекта, социально-гуманистическая трактовка истории увязывает это понятие с отражением событийного наполнения общественной жизни, имеющего существенное значение для воспроизводства социума. Различие заявленных типов дефиниции категории «история» заключается в том, что историизация в контексте отражения природы реализуется как тотальный, недифференцированный процесс отождествления любых изменений с историей — всё исторично, так как всё течет, всё меняется, всё непостоянно. Вследствие такого положения дел, смысл маркеров «историческое»

и «внеисторическое» нивелируется, что, в принципе, означает исчезновение истории как особенного феномена культуры. Определяющим становится положение о том, что абсолютно «всё затронуто историческими изменениями» [7, с. 31]. Таким образом, под историей в естествознании понимается протекающая во времени всеобщая трансформация форм и сущностей существующего.

Социально-гуманитарное понимание исторического связано с процессом организации общественным сознанием «видения» технологий воздействия человека на условия своего существования. «Понятно, что исторический способ видения мира опирается на определенные представления о том, что принято называть человеческим способом бытия» [3, с. 7]. В таком ракурсе история, безусловно, социальна, асоциальная реальность, очевидно, исторична. История в качестве культурной институции ориентирована, прежде всего, на производство знаний о социальных изменениях, причинах их вызвавших, движущих силах, формах реализации с целью формирования на их основе паттернов общественного сознания как инструментов аккумуляции актуальных технологий освоения реальности. Следовательно, смысл познания исторического, в предельно общих значениях, заключается в постижении сущности человека и проявляет себя в результатах отражения технологий человеческой деятельности. История «без исследования практической деятельности людей, без анализа общественных отношений, без выяснения целей человеческого общества» [8, с. 50] не может претендовать на статус социокультурного явления. Данное обстоятельство вызывает к жизни принципиальный вопрос: возможно ли обрести истинное знание о социальном прошлом? При том, что только установление действительных параметров социально-исторической реальности позволит эффективно концентрировать практическую деятельность по освоению социального настоящего и прогнозированию его будущего.

Знание о существовании социальной истории составляет содержательную сферу двух специальных отраслей рациональной рефлексии: исторической науки и философии истории. В предельно общем смысле содержанием исторической науки становится отражение событий (изменение реальности в контексте технологий социального производства). Философия истории же ориентирована на постижение духовно-нравственных смыслов социального бытия, движущих сил общественных изменений, форм реализации сущностных сил человека в контексте конечных целей его бытия. Вместе с тем анализ объектно-предметного содержания заявленных форм организации знания о прошлом позволяет утверждать, что вне рамок их компетенций остаются вопросы теоретической дефиниции основных компонентов исторической рефлексии — «картина истории», «историческая реальность», «историческое знание». Принятие подобного заключения инициирует необходимость конституирования еще одной сферы когнитивно-эвристического пространства истории — философии исторического знания, понимаемой в качестве формы реализации потенциала философии в комплексе организации знания о фундаментальных основаниях организации исторической информации. Философский ракурс исторического

знания аккумулирует вопросы, связанные со спецификой построения системы образов (картины) исторического сегмента реальности и оснований ее интерпретации. Значение этого звена заключается в обеспечении знания о социальной истории потенциалом преодоления отчужденности прошлого от настоящего, обосновании принципов социальной экзистенции, становлении комплекса культурных идеалов.

В теоретико-познавательном плане значение исторической рефлексии состоит в стремлении к установлению сущности социально-исторического процесса, а в познавательно-практическом отношении познание исторического, по сути, — инструментарий «присвоения» настоящим (наличным) прошлого (определенного). Формы корреляции прошлого и настоящего несовершенны, элемент несовпадения между ними неизбежен, так как субъект — это всегда здесь и сейчас, а история всегда то, что уже было. Принципиальная несводимость прошлого и настоящего выступает в качестве основания для интеллектуальных спекуляций с формами презентации исторического знания. Примером чему служит диаметрально противоположное прочтение истории в формационной и цивилизационной концепциях, теориях экономической истории У. Ростоу, постиндустриального общества Д. Белла, «мира-экономики» И. Валлерстайна и др., обоснованных аргументами, сила убедительности которых вполне приемлема с позиций рационального доказательства, но вместе с тем недостаточна для формирования исчерпывающих представлений о действительном значении исторических событий, их причин, смыслов и движущих сил. Становление картины социально-исторической реальности неизбежно связано с моментами включения в свое содержание материалов, располагающих потенциалом внесения в прочтение исторического нарратива элементов, не имеющих непосредственного отношения к объекту познания. Указанное обстоятельство может выступать в качестве фактора вульгарного манипулирования историческими феноменами, создавая тем самым основания для негативной трансформации исторического знания в целом.

Производство картины социально-исторической реальности предопределяется качествами, воплощенными в интеллектуально-духовном мире субъекта, выступающими своеобразным «сепаратором» существенного и несущественного в историческом событии, вызывая мифологему как институт нивелирования негативных сторон подобного разделения. Субъект конструирует систему исторических знаний сообразно наличным социокультурным предпочтениям, что неизбежно вносит мифологические характеристики в общую систему картины социально-исторической реальности. Специфика социальной детерминации субъекта исторической рефлексии заключается в том, что он в условиях социокультурной обусловленности навязывает смыслы современной ему культуры историческому событию, реализованному в иных социальных и аксиологических параметрах. Субъект не столько констатирует содержание исторических событий и форму их реализации, сколько предлагает трактовки их сущности, которые могут и не иметь отношения к их действительным параметрам, но в любом случае так или иначе соответствуют его социокультурным ориентациям (консерватизм, номинализм, монархизм, глобализм и т. д.).

«Человеческие существа живут в мире значимых объектов, эти значения возникают в процессе социального взаимодействия, различные группы вырабатывают различные миры...» [9, с. 34] Результат неосознанного привнесения в прочтение исторического качества настоящей культуры и является тем, что мы маркируем как мифологему социально-исторической реальности. «Поскольку человек осваивает историю в конкретных условиях, то культивируемые им ценности выступают в качестве фактора детерминирующего отношения между субъектом и объектом познания» [10, с. 156]. Производство исторического знания и система социокультурных императивов диалектически взаимосвязаны, любые попытки вынести деятельность по организации картины истории за рамки социальных парадигм несостоятельны. Теории построения целостной системы истории непосредственно обусловлены контекстом их организации, инициирующим реализацию того эвристического содержания их потенциала, который оказался способен обеспечить эффективное решение конкретных исследовательских задач.

В силу открытости собственной природы внешнему миру человек постоянно находится в состоянии непрерывного воздействия на его сенсорные и аналитические структуры бесконечного информационного потока, порождающего комплексы раздражений, восприятий, впечатлений и т. д. Очевидно, что субъект в процессе обработки всей совокупности поступающей информации должен испытывать серьезные нагрузки. Например: «Допустим, что при максимальной частоте импульсов нейронов, равной 100 импульсам, или спайкам, в секунду, нейронные каналы *мозга человека* (курсив А. Г. Степанова) смогут пропустить до $10^8(10^2/10) = 10^7$ импульсов в секунду. Если каждый импульс несет один бит информации, то мозг будет ежесекундно бомбардировать 10^7 битов. Такое число намного превосходит нашу способность к обработке информации, которая ограничена примерно 25 битами двоичной информации в секунду» [11, с. 11]. Перегруженность человека сверхмерным количеством информации никак не содействует адекватному отражению действительности, а, напротив, создает условия для формирования системы иллюзий. Для того чтобы человек обрел возможность конструирования адекватной картины реальности, его организация неизбежно должна включать институты дифференциации входящих данных.

Инструмент, позволяющий человеку преодолеть хаос входящей информации, — механизмы аккумуляции знания и комплекс бессознательных установок, призванных решать задачи по считыванию, преобразованию, «акклиматизации» и последующей адаптации входящей информации. В контексте содержания социокультурной парадигмы осуществляется избирательный отбор актуальной информации. «Если история излагает содержание событий, то это происходит посредством отбора того, что есть в источниках...» [12, с. 45] Системы, функционально ориентированные на формирование картины реальности, извлекают релевантную информацию исходя из содержания социальных норм, культивируемых в данной социальной общности, благодаря чему информационная селекция приобретает характер саморегулирующегося процесса. В связи с чем мы полагаем, что объект нашего исследования является именно таким, каким он

представлен в наших умозрительных построениях. В сознании возникает мысленная конструкция исторического события, освоенная нами в форме образа, содержание которого спроецировано на раздражитель, его вызвавший, — определенное историческое событие. Это значит, что, осваивая историю, мы имеем дело не с явлением, принадлежащим к настоящему или в интерпретации Н. Гартмана наличному бытию, а с его информационной проекцией, ставшей посредником между действительностью и перцепиентом, непосредственно влияющей на содержательную сторону картины социально-исторической реальности. Образ исторического события создается на границе соединения сообщений, поступающих из внешней среды и внутреннего информационного архива личности, на этом уровне ему придается определенный смысл и значение. Следовательно, мы имеем дело не с самой реальностью, а с ее мифологемой.

Появление мифологемы картины социальной истории — результат практики освоения исторического процесса в целях приведения сведения об истории в определенную систему, отражающую сущность и движущие силы эволюции общества. Мифологема, возникающая вследствие синтеза известного и предполагаемого, становится одним из атрибутов исторического знания, функция которого заключается в объединении образов прошлого с культурной парадигмой настоящего. Мифологема, в самом общем виде, представляет собой форму организации картины социально-исторической реальности, обеспечивающую органическую адаптацию исторической информации к потребностям общественного субъекта в контексте императивов культуры рационального познания. Мифологема социально-исторической реальности — это результат отражения исторического в сознании субъекта, конкретного выражения настоящего, носителя определенного способа освоения исторического.

УДК 165.6+81-116

Науч. спец. 09.00.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-52-55

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА: ОТ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ К ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМУ

В статье проанализированы пространственные представления о природе человеческого языка, характерные для лингвистики и философии XX в. На примере творчества лингвиста Л. Ельмслева, философов Ж. Делёза и У. Эко показано, что пространственный способ мышления не только об объектах действительности, но и об объектах символического универсума культуры, важнейшие элементы которого — языки — необходимый способ формирования философских представлений о существующих смыслах и способах их выражения.

Ключевые слова: философия языка, структурная лингвистика, философские концепты, эпистемологический конструктивизм.

1. Гартман Н. Познание в свете онтологии // Западная философия. Итоги тысячелетия. Екатеринбург: [б. и.], 1997. 654 с.

2. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.

3. Сыров В. Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers, 2006. 246 с.

4. Солодухо Н. М. Философия небытия. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. 146 с.

5. Гречко П. К. Концептуальные модели истории // Библиотека Гумер — история: [сайт]. URL: /http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Grech/index.php. (дата обращения: 14.05.2020).

6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 5–342.

7. Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 144 с.

8. Мегилл А. Историческая эпистемология: моногр. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.

9. Николаева Е. М. Социализация личности: синергетический дискурс (опыт социально-философского исследования). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 176 с.

10. Степанов А. Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 1. С. 154–160.

11. Алексеенко Н. Ю. Предисловие // Восприятие. Механизмы и модели / под ред. Н. Ю. Алексеенко. М.: Мир, 1974. С. 9–15.

12. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. 331 с.

© Степанов А. Г., 2020

Е. Б. Таскаева

Е. В. Taskaeva

SPATIAL THINKING IN THE PHILOSOPHY OF LANGUAGE: FROM STRUCTURAL LINGUISTICS TO POSTSTRUCTURALISM

The article analyses the spatial concepts of the nature of the human language, characteristic of linguistics and philosophy of the 20th century. On the example of the creativity of the linguist L.T. Hjelmslev, the philosophers G. Deleuze and U. Eco, it is shown that the spatial way of thinking not only about objects of reality, but also about objects of the symbolic universe of culture, the most important element of which is languages, is a necessary way of forming philosophical ideas about existing meanings and ways of expressing them.

Keywords: philosophy of language, structural linguistics, philosophical concepts, epistemological constructivism.